

Публикация Как сбываются пророчества по украинскому вопросу автора «Красного колеса»

Александр Солженицын: С Украиной будет чрезвычайно больно

Не раз мы обращались с экспертным сообществом к горячим и вечным темам, вместе размышляли: как нам обустроить Россию? Не случайно обращаемся мы сейчас к мыслям Александра Исаевича Солженицына, до последних дней — августа 2008-го — бывшего читателем «РГ».

То, что предвидел еще полвека назад писатель, сегодня поражает. В «Архипелаге ГУЛАГ» он писал: «С Украиной будет чрезвычайно больно». В те глубоко советские годы он пророчески не исключал отделение Украины, но: «может быть, по каждой области понадобится свой плебисцит», учитывая, по каким ленинским лекалам были нарезаны земли, никогда не относившиеся к исторической Украине... И четверть века назад недоумевал: когда в Западной Украине сносят памятники Ленину, почему «украинские националисты броней стоят за эти священные границы, дарованные батюшкой Лениным»...

И рост бессовестности, и порчу душ, и губительный накал страстей вокруг русско-украинского вопроса он видел. Фанатичное подавление и преследование русского языка называл просто зверской мерой уже в 2006 году.

У него не было сомнений, что через «цветные революции» готовится полное окружение России, а затем поглотит ее суверенитет. Это мысли в одном из последних его интервью.

Что будет завтра?

Почитайте сегодня Солженицына, что он писал вчера.

Написано в 1968-м, опубликовано в 1974-м: (АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ, часть Пятая, глава 2)

...Мне больно писать об этом: украинское и русское соединяются у меня и в крови, и в сердце, и в мыслях. Но большой опыт дружественного общения с украинцами в лагерях открыл мне, как у них наболело. Нашему поколению не избежать заплатить за ошибки старших.

Топнуть ногой и крикнуть «моё!» — самый простой путь. Неизмеримо трудней произнести: «кто хочет жить — живите!» Как ни удивительно, но не сбылись предсказания Передового Учения, что национализм увядает. В век атома и кибернетики он почему-то расцвел. И подходит время нам, нравится или не нравится, — платить по всем векселям о самоопределении, о независимости, — самим платить, а не ждать, что будут нас жечь на кострах, в реках топить и обезглавливать. Великая ли мы нация, мы должны доказать не огромность территории, не числом подопечных народов, — но величием поступков. И глубоко во вспахивать то, что нам останется за вычетом земель, которые жить с нами не захотят.

С Украиной будет чрезвычайно больно. Но надо знать их общий накал сейчас. Раз не уладились за века — значит, выпало проявить благоразумие нам. Мы обязаны отдать решение им самим — федералистам или сепаратистам, кто у них кого убедит. Не уступить — безумие и жестокость. И чем мягче, чем терпимее, чем разъяснительнее мы будем сейчас, тем больше надежды восстановить единство в будущем.

Пусть поживут, попробуют. Они быстро ощутят, что не все проблемы решаются отделением. (Из-за того, что в разных областях Украины — разное соотношение тех, кто считает себя украинцем, и кто — русским, и кто — никем не считает, — тут будет много сложностей. Может быть, по каждой области понадобится свой плебисцит и потом льготное и бережное отношение ко всем, желающих перебраться. Не вся Украина в её сегодняшних формальных советских границах есть действительно Украина. Какие-то левобережные области безусловно тяготеют к России. А уж Крым приписал к Украине Хрущёв и вовсе с дубом. А Карпатская (Червоная) Русь? Проверим и на ней: требую справедливости к себе, как справедливы будут украинцы к карпатским русским?)

Почитайте сегодня Солженицына, что он писал вчера.

Прим.: Опубликовано в «Русской мысли», 18.6.1981. В России текст впервые напечатан в журнале «Звезда», 1993, 12.

Написано и опубликовано в 1990-м: («Как нам обустроить Россию? Слово к украинцам и белорусам») Сам я — едва не наполовину украинец и в ранние годы рос при звуках украинской речи. Ав скорбной Белоруссии и провёл большую часть своих фронтных лет и до прозвонившейся любовью её печальной скудости и её крошечный народ. К тем и другим я обращаюсь не зная, а как свой. Да народ наш и разделялся на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации. Это всё — придуманная недавней фальшь, что чуть не в IX века существовал особый украинский народ с особым не-русским языком. Мы все вместе истекли из драгоценного Клева, «откуда русская земля стала есть», по летописи Нестора, откуда и заветило нам христианство. Один и те же князь правил нами: Ярослав Мудрый разделил между сыновьями Киев, Новгород и всё протяжение от Чернигова до Рязани, Муром и Белоозера; Владимир Мономах был одновременно и киевский князь, и ростово-суздальский; и такое же единство в служении митрополитов. Народ Киевской Руси и создал Московское государство. В Литве и Польше белорусы и малороссы сознавали себя русскими и боролись против ополчения и окатоличения. Возврат этих земель в Россию был всеми тогда осознаваем как *воссоединение*.

Да, больно и позорно вспомнить указы времён Александра II (1863, 1876) о запрете украинского языка в публицистике, а затем и в литературе, — но это не продлилось долго, и это было из тех умолчанных окостенений и в управительной, и в цер-

...Я неоднократно высказывался и могу повторить, что никто никого не может держать при себе силой, ни от какой из спорящих сторон не может быть применено насилие ни к другой стороне, ни к своей собственной, ни к народу в целом, ни к любому малому меньшинству, включённому в него, — ибо в каждом меньшинстве оказывается свое меньшинство... Во всех случаях должно быть узвано и осуществлено местное мнение. А поэтому и все вопросы по-настоящему могут быть решены лишь местным населением, а не в дальних эмигрантских спорах при деформированных ощущениях.

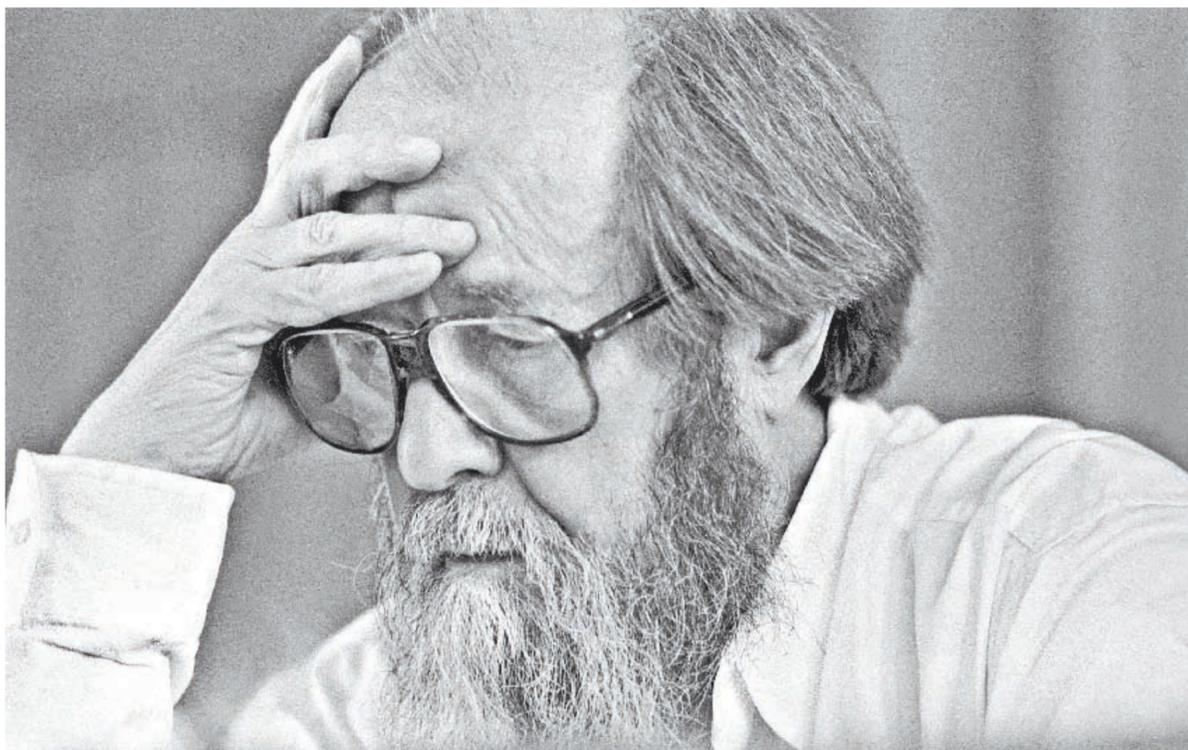
...Мне особенно больно от такой яростной нетерпимости обсуждения русско-украинского вопроса (губительной для обеих наций и полезной только для их врагов), что сам я — смешанного русско-украинского происхождения, и вырос в совместном влиянии этих обеих культур, и никогда не видел и не вижу антагонизма между ними. Мне не раз приходилось и писать в публичном говорить об Украине и ее народе, о трагедии украинского народа, у меня немало старых друзей на Украине, я всегда знал страдания русские и страдания украинские в едином ряду под коммунистических страданий. В моем сердечном ощущении нет места для русско-украинского конфликта, и, если, упаси нас Бог, дошло бы до края, могу сказать: никогда, ни при каких обстоятельствах, ни сам я не пойду, ни сыновей своих не пушу на русско-украинскую стачку, — как бы ни тянули нас к ней безумные голы.

Прим.: Опубликовано в «Русской мысли», 18.6.1981. В России текст впервые напечатан в журнале «Звезда», 1993, 12.

Написано и опубликовано в 1990-м: («Как нам обустроить Россию? Слово к украинцам и белорусам») Сам я — едва не наполовину украинец и в ранние годы рос при звуках украинской речи. Ав скорбной Белоруссии и провёл большую часть своих фронтных лет и до прозвонившейся любовью её печальной скудости и её крошечный народ.

К тем и другим я обращаюсь не зная, а как свой. Да народ наш и разделялся на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации. Это всё — придуманная недавней фальшь, что чуть не в IX века существовал особый украинский народ с особым не-русским языком. Мы все вместе истекли из драгоценного Клева, «откуда русская земля стала есть», по летописи Нестора, откуда и заветило нам христианство. Один и те же князь правил нами: Ярослав Мудрый разделил между сыновьями Киев, Новгород и всё протяжение от Чернигова до Рязани, Муром и Белоозера; Владимир Мономах был одновременно и киевский князь, и ростово-суздальский; и такое же единство в служении митрополитов. Народ Киевской Руси и создал Московское государство. В Литве и Польше белорусы и малороссы сознавали себя русскими и боролись против ополчения и окатоличения. Возврат этих земель в Россию был всеми тогда осознаваем как *воссоединение*.

Да, больно и позорно вспомнить указы времён Александра II (1863, 1876) о запрете украинского языка в публицистике, а затем и в литературе, — но это не продлилось долго, и это было из тех умолчанных окостенений и в управительной, и в цер-

Акцент

Те, кто во Львове и Киеве велят памятники Ленину, — почему же поклоняются, как священным, фальшивым ленинским границам, на кровавой заре советской власти во многих местах прочерченным лишь для того, чтобы купить стабильность коммунистическому режиму?

Крым, Донбасс и чуть не до Каспийского моря). И если «самоопределение нации» — так нация и должна свою судьбу определять сама. Без всенародного голосования — этого не решить.

Сегодня отделять Украину — значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколько — смешанного происхождения; сколько смешанных браков — да их никто «смешанными» до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими.

Брать! Не надо этого жестокого раздела! — это пограничные коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован — вместе и выберемся. И за два века — какое множество выдающихся имён на пересечении наших двух культур. Как формулировал М.П. Драгоманов: «Неразделимо, но и не смесимо». С дружелюбием и радостью должен быть распахнут путь украинской и белорусской культуры не только на территории Украины и Белоруссии, но и в Европеевросии. Никакой насильственной русификации (но и никакой насильственной украинизации, как с конца 20-х годов), ничем не стесненное развитие параллельных культур, и школьные классы на обоих языках, по выбору родителей.

Конечно, если б украинский народ действительно пожелал отделиться — никто не посмеет удерживать его силой. Но разнообразна эта обширность, и только местное население может решить судьбу своей местности, своей области, — а каждое новое образование при том национальное меньшинство в этой местности — должно встретить такое же ненасилие к себе.

Ещё бы нам не разделить боль за смертные муки Украины в советское время. Но откуда этот замысел? По живому отрубил Украину (и ту, где сроду старик Украин не было, как «Дикое Поле» кочевников — Новороссия, или

ретенпленье и за Вашу стойкость в испытаниях, я рад услышать сейчас Ваш мягкий голос, притом что ваши земляки — от трибуны Верховного Совета СССР и до дальних эмигрантских газет — только и вывели из моей статьи, что я: великорусский шовинист, колониалист, прихвостень имперской тираннии и «закуриченный империалист» («Гомин Украинны», 10.10.90). Такая явно преднамеренная глухота и недобросовестность — изумляют, но и настораживают: что они хотят прикрыть этим буквально рычанием?

К Вам — я могу обратиться с надеждой на взаимопонимание, в котором они мне отказали. Ваши исторические доводы, начиная с доли отражения татарского нашествия (если считать Червонную Русь — не Русью), можно было бы пространно отвечать, но все они вполне перекрываются самым сильным доводом, который Вы сейчас и не приводите за его ясностью: что если сердца украинцев жаждут сегодня отделения — то не с чем и спорить. Достаточно этого движения сердца! — и я в своей статье именно это и сказал. И об этом же написал еще в «Архипелаге» (часть V, гл. 2), так что мое нынешнее обращение вовсе не «беспредельное». Однако вот и Вы не отметили, что при такой жажде — я не спорю с отделением Украины...

Но — в о с т и у Украины. Сейчас, когда на Западной Украине велят памятники Ленину (туда им и дорога!), — почему же западные украинцы страстно всех хотят, чтобы Украина имела именно это и сказал. И об этом же написал еще в «Архипелаге» (часть V, гл. 2), так что мое нынешнее обращение вовсе не «беспредельное». Однако вот и Вы не отметили, что при такой жажде — я не спорю с отделением Украины...

Сейчас, когда на Западной Украине велят памятники Ленину (туда им и дорога!), — почему же западные украинцы страстно всех хотят, чтобы Украина имела именно это и сказал. И об этом же написал еще в «Архипелаге» (часть V, гл. 2), так что мое нынешнее обращение вовсе не «беспредельное». Однако вот и Вы не отметили, что при такой жажде — я не спорю с отделением Украины...

анской веры, крещение детей — тем более не должны быть «прихоть родителей», а ждать в том государственного указания? «Не украинцы волны в своем выборе», — пишете Вы; только будет срезано число школ? А украинцы — не «волны в выборе». Так значит — опять насилие? Нет, не надо этого диктата, дайте всякой культуре расти, как ей естественно. Прим.: Святослав Караванский, долготелый узник ГУЛАГа, украинец, написал «Открытое письмо Александру Солженицыну» («Русская мысль», 19.10.1990) после публикации статьи «Как нам обустроить Россию?» Ответ писателя опубликован в «Русской мысли», 2.11.1990. В России текст впервые напечатан в журнале «Звезда», 1993, 12.

Тогда же в 1991 Обращение (к референдуму на Украине)

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Соселением выбираются наши народы из-под рухнувшего наконеч коммунизма. Люди наконец жаждут — и сколько же еще ждать? — достойной, не мучительной жизни. Но пока что мы — в халосе бед. Так до сих пор и не дана людям пахотная земля, ни даже малые наделы. И до первобытно-

Обеспечьте неискаженное волевое голосование — и все подчиняется ему. Дайте истинную свободу всем в братья — и тогда, каков бы ни был результат, это будет уважаемое самоопределение, и мы тепло поздравим Украину с возобновлением ее государственного и культурного пути.

Соседями нам быть — всегда. Будем же соседями добрыми.

Прим.: На территории бывшей Украинской ССР был назначен на 1 декабря 1991 года референдум о ее суверенитете. Текст напечатан в «Труде», 8.10.1991

Из интервью с В.Т. Третьяковым для еженедельника «Московские новости» (напечатано в номере от 28 апр./4 мая 2006)

В.Т.: Лично я считаю, что если три главных субъекта евроатлантической (христианской) цивилизации, а именно Североамериканский Союз, (Западно) Европейский Союз и Восточноевропейский (Российский) Союз (или США, СШЕ и Соединённые Штаты России) не заключат стратегический союз между собой (с надгосударственными органами), то наша цивилизация рано или поздно исчезнет. В чём вы видите спасение евроатлантической цивилизации, если она в нём нуждается?

А.С.: Увы. Всемирный политический процесс никак не движется в желаемом нами направлении. Соединённые Штаты размещают свои оккупационные войска в одной стране следом за другой. Таково фактическое положение в Боснии уже 9 лет, в Косово и в Афганистане — по 5 лет, в Ираке пока 3, но там затянется надолго. Действия НАТО и отдельные действия США различаются малосущественно. Отчётливо же видя, что нынешняя Россия не представляет ни никакой угрозы, НАТО методически и настойчиво развивает свой военный аппарат — на Восток Европы и в континентальном охвате России и Юга. Тут и открытая материальная и идеологическая поддержка «цветных» революций, парадоксальное внедрение Северо-Атлантических интересов — в Центральную Азию. Всё это не оставляет сомнений, что готовится полное окружение России, а также потеря ею суверенитета. Нет, присоединение России к такому евроатлантическому альянсу, который ведёт пропаганду и насильственное внедрение в разные части планеты идеологии и форм современной западной демократии — привело бы не к расширению, а к упадку христианской цивилизации.

В.Т.: Каково ваше отношение к тому, что происходит на Украине? В этой связи каково ваше отношение к проблеме разделения России, пусть не политически, а хотя бы интеллектуально, ставит вопрос о воссоединении русских и русских земель в случае очевидного ухода Украины украинской элитой и Европеевросии и особенно в НАТО?

А.С.: Происходящее на Украине, ещё от фальшивой постронной формулировки для референдума 1991 года (я уже об этом писал и говорил), составляет мою постоянную горечь и боль. Фанатическое подавление и преследование русского языка (который в прошлых опросах был признан своим основным более чем 60% населения Украины) является просто зверской мерой, да и направленной против культурной перспективы самой Украины. — Огромные просторы, никогда не относившиеся к исторической Украине, как Новороссия, Крым и весь Юго-Восточный край, насильственно втиснуты в состав нынешнего украинского государства и в его политику жадно жалеемого вступления в НАТО. За всё время Ельцина ни одна его встреча с украинскими президентами не обшлась без капитуляций и уступок с его стороны. Изживание Черноморского флота из Севастополя (никогда и при Хрущёве не уступленного УССР) является низменным злостным надругательством над всей русской историей XIX и XX веков.

При всех этих условиях Россия ни в какой форме не смеет равнодушно предать многочисленное русское население на Украине, отречься от нашего единства с ним.

При всех этих условиях Россия ни в какой форме не смеет равнодушно предать многочисленное русское население на Украине, отречься от нашего единства с ним.

При всех этих условиях Россия ни в какой форме не смеет равнодушно предать многочисленное русское население на Украине, отречься от нашего единства с ним.

При всех этих условиях Россия ни в какой форме не смеет равнодушно предать многочисленное русское население на Украине, отречься от нашего единства с ним.

При всех этих условиях Россия ни в какой форме не смеет равнодушно предать многочисленное русское население на Украине, отречься от нашего единства с ним.